

Сяосян Дунъэр

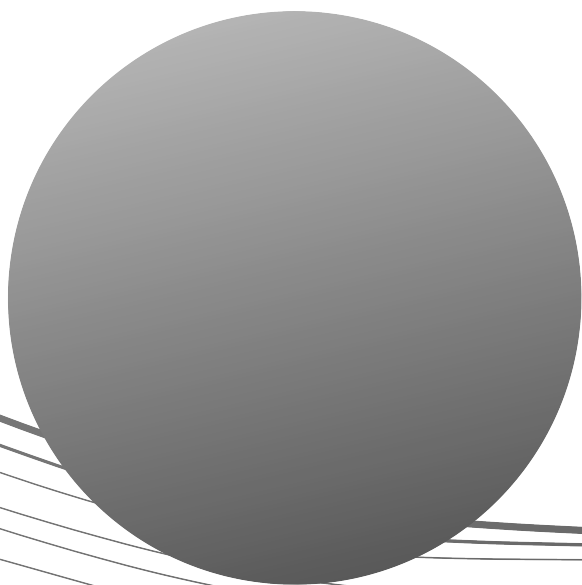
СЕКРЕТНЫЙ АГЕНТ ПРИНЦЕССА ЧУ ЦЯО

Конец легенды

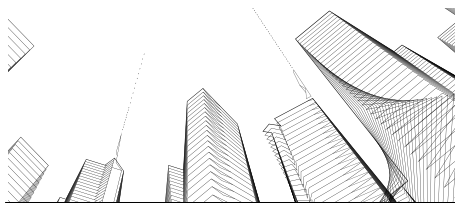
Freedom

Москва
2026

楚乔传

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ:
ЦИНХАЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СКОРБНЫЙ НАЛЕВ

Небо заволокло черными тучами. Едва пробивавшиеся через них солнечные лучи редкими проблесками освещали поле сражения, над которым свирепствовал северный ветер.

Время тянулось мучительно долго. Стояла ранняя осень, и ветер, пропитанный ледяным дыханием Яньбэя, носился над необъятными землями. По всей равнине Холэй лились реки крови. Они текли от рассвета до полудня, а затем с полудня и до заката. Ярко-красные цветы хоюнь расцвели пышным цветом, а их окровавленные лепестки, подобные адскому пламени, трепетали на ветру. Бесчисленное множество людей, еще утром полных жизненных сил, теперь лежало на стылой земле, подобно скошенным колосьям пшеницы.

Земля уже утратила первоначальный цвет, а в небе кружили хищные птицы, готовые в любой момент ринуться вниз и насладиться редким обильным пиршеством. Равнина была усеяна

трупами. Раненые, лежащие вповалку с мертвыми, стонали и выли, подобно одиноким волкам, потерявшим свой дом. Но большинство не могло даже кричать — воины растянулись на горе тел, словно дохлые псы, и лишь изредка, когда полевые лекари, искавшие выживших, задевали их ногой, тихо поставили, давая понять, что еще живы.

С наступлением сумерек начал накрапывать мелкий дождь, и его холодные капли тонкими нитями падали на бездыханные тела. Огонь все еще тлел на лежащих в окопах солдатах, и когда морось касалась их, в воздухе начинала клубиться легкая дымка.

Чэн Юань ступал по телам павших воинов. Многолетние сражения превратили его мягкие черты в кровожадную маску. Бедро полковника случайно задела стрела. Рану наспех перевязали белой тканью, и теперь воин хромотал при ходьбе.

На холме, под раскидистым тополем, возвышался мужчина в темных одеяниях. Он стоял настолько прямо, что напоминал отточенный клинок. Над его головой развевалось знамя Яньбэя, изображавшее орла, а у ног от каждого порыва ветра трепетали пожухлые травы. Взгляд этого человека был пустым — казалось, он смотрел куда-то сквозь поле битвы, через кровавую пелену, поверх плывущих у горизонта облаков...

Полковник неожиданно замер, не решаясь приблизиться.

— Чэн Юань? Подойди.

Янь Сюнь произнес это, даже не обернувшись, а его невозмутимый голос звучал спокойно, даже умиротворенно. Чэн Юань согнулся в почтительном поклоне, поднялся на холм и опустил на одно колено.

— Докладываю вашему величеству, — глухо произнес он, — войска Сюли уже прорвали линию обороны корпуса Сюаньюй на юго-востоке. Это недавно прибывшее резервное подразделение, поспешно приведенное в боевую готовность, однако они не смогли отразить атаку барышни Чу. Кавалерия Сюли избежала лобового столкновения с императорской гвардией и быстро прорвалась через позиции Сюаньюй. Когда мы намеревались остановить их, момент был уже упущен — армия Сюли отступила по левому флангу и теперь движется в северо-западном направлении, прямо к проходу Юйдао.

Янь Сюнь молча кивнул.

Чэн Юань облизал пересохшие губы и продолжил:

— Я уже отправил приказы генералам Гао и Лу с указанием перекрыть проход Юйдао. Первый корпус выделит тридцать тысяч солдат. Они разделятся на части и отправятся сдерживать врага на северо-западных территориях. Застава Лунъинь также приведена в полную боевую готовность. Водные пути южных земель, ведущие в Бяньтан, находятся под нашим строгим контролем. Даже если у войск Сюли вырастут крылья, мы собьем их в воздухе.

Стоявший неподвижно Янь Сюнь по-прежнему молчал. Казалось, он не видел и не слышал ничего, происходящего вокруг. Начавший понемногу нервничать Чэн Юань осторожно окликнул его:

— Ваше величество?

— Продолжай.

— Наша армия понесла тяжелые потери. Третий и Седьмой корпуса полностью уничтожены. Командующие Четвертым, Восьмым и Одиннадца-

тым корпусами пали в бою, а их войска потеряли больше половины состава. Тринадцатый корпус под командованием генерала Ду Жолия отказался воевать. К настоящему моменту офицерский состав уже взят под стражу, но рядовые солдаты продолжают саботировать приказы. Мало того что они теперь бесполезны здесь, так еще и вынуждают нас выделять силы на их охрану...

Янь Сюнь наконец медленно повернул голову и, едва заметно приподняв бровь, мрачно переспросил:

— Отказались воевать?

— Да... именно так, — отпартовал Чэн Юань. А затем, проглотив слова, которые хотел сказать изначально, он выбрал формулировку помягче и добавил: — Весь Тринадцатый корпус укомплектован уроженцами плато Шаншэнь.

Над холмом гулял ветер. Дождевые капли скользили по носу Янь Сюня, и государь, медленно кивнув, вновь погрузился в молчание.

— Ваше величество, повторный перехват войск Сюли — лишь вопрос времени, но у вашего покорного слуги есть вопрос. Однако я не знаю, уместно ли его задать.

— Говори, — бесцветным голосом произнес Янь Сюнь.

— Слушаюсь. Как нам следует действовать, если удастся окружить барышню Чу? Штурмовать всеми силами или взять в кольцо? Убить... или взять в плен? Ваше величество, я прошу у вас ясных указаний.

Ветер внезапно усилился. Ледяные порывы воздуха развеивали широкие рукава халата Янь Сюня, однако сам государь продолжал стоять неподвижно. Вдалеке, на поле боя, еще тлели отдельные

огоньки. Целый день ожесточенных сражений лишил солдат боевого духа — теперь они были измождены, подавлены, а их одежда превратилась в лохмотья. Двадцать тысяч отборных императорских гвардейцев и три подкрепления, в каждом из которых насчитывалось по десять тысяч воинов (пусть даже один корпус вышел из боя) все равно потерпели сокрушительное поражение от рук армии Сюли. Чу Цяо, ведущая за собой девять тысяч бойцов, острым клинком рассекала его кольцо окружения. В том, что не смогло сделать тридцатитысячное войско Хоюнь под руководством Хуаньхуань, она преуспела с пугающей легкостью. Янь Сюнь вынужден был признать: в военном деле А-Чу — гений, каких еще поискать. Ее чутье на поле боя, контроль над ситуацией, а также авторитет среди солдат значительно превосходили его собственные способности.

Правитель медленно выдохнул. Где-то в глубине его души волнами накатывала тяжесть. В этот миг он не знал, радоваться ли ему тому, что она наконец сбежала, победив его без лишних эмоций и сантиментов, или же горевать от того, что она окончательно покинула его.

От осознания горькой иронии у Янь Сюня кольнуло сердце, и он едва удержался от язвительной улыбки. Равнодушно глядя на подчиненного, император неожиданно сказал:

— Чэн Юань, знаешь, почему, несмотря на слова всех, кто убеждал меня, что ты ни на что не годен, я все равно тебя приблизил?

Воин вздрогнул, а затем рухнул на колени и ударил лбом о землю:

— Ваше величество оказали мне неслыханную милость! Вашему покорному слуге даже смертью не искупить такой благодати!

— Потому что ты очень похож на меня в прошлом.

Чэн Юань резко поднял голову. Он потрясенно уставился на Янь Сюня, однако не проронил ни слова.

— Я знаю: твои родители и близкие погибли в пламени войны, жену и младшую сестру забрали в армию Великой Ся и сделали проститутками, обслуживающими солдат. Старший брат раньше был генералом гильдии «Датун», однако пал жертвой внутреннего заговора.

Чэн Юань стоял на коленях, не издавая ни звука. Его глаза постепенно наливались кровью, а губы становились все бледнее.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Так же, как знаю, о чем думаю сам.

Янь Сюнь поднял голову, наблюдая за тем, как пробивавшиеся сквозь свинцовые тучи лучи заката заливали округу зловещим багрянцем. Уголки губ правителя дрогнули в едва заметной усмешке, когда он глухим голосом произнес:

— Человек может иметь множество желаний, однако прежде всего ему необходимо выжить. Если умрет — ни одно из них так и не исполнится.

В тот же миг в глазах Чэн Юаня вспыхнула жгучая влага и застила его взор мутной пеленой. Человек, которого весь Яньбэй клеймил подлым негодяем, стиснул кулаки так, что побелели костяшки пальцев, и низко склонил голову.

Серая птица пронеслась по небу, на мгновение промелькнув в поле зрения Янь Сюня. Мужчина

проследил за ней отрешенным взглядом — подобно длинной нити, лишившейся иголки, его взор больше не мог ни на чем задержаться. После долгого молчания главнокомандующий наконец продолжил:

— Армия Сюли слишком сильна, не стоит противостоять ей в открытом бою. Откроем границу и передадим сведения Чжао Яну и Вэй Шуе. Скоро зима — пусть А-Чу расшевелит для нас этот застывший фронт с Великой Ся.

Даже невозмутимый Чэн Юань не смог скрыть потрясения. Прошло несколько секунд, прежде чем он осторожно возразил:

— Но ведь у заставы Яньмин сейчас сосредоточены тяжеловооруженные бронированные пехотинцы, а барышня Чу ведет только легкую кавалерию. Боюсь, войска Великой Ся не смогут быстро перекрыть ей путь...

— Тогда мы заставим ее замедлиться, — произнес это, Янь Сюнь развернулся и направился к величественным стенам Бэйшо. Вороной жеребец вышагивал рядом с ним, а закатные лучи вытягивали тень мужчины в тонкую линию. Свистящим шепотом, похожим на шелест степных трав, правитель приказал: — Оповестите жителей Бэйшо, плато Шаншэнь и гор Хуэйхуэй... Скажите, что их принцесса Сюли собирается покинуть земли Яньбэя.

Яростный ветер развеивал полы одеяния Янь Сюня, а висевший на его поясе клинок отсвечивал кровавым блеском. Шаг за шагом, тяжело и неотвратимо, мужчина будто входил в огромную и мрачную темницу, и незримые золотые оковы, казалось, сковывали его всего. Вдали поднимался черный дым, воздух непрерывно оглашался криками и столами, а равнину Холэй куполом накрыла мертвая тишина.

А-Чу, я уже говорил: все могут предать меня, но не ты. Ты — мой единственный свет, солнце, озаряющее мое непроглядно-темное небо.

Теперь же это солнце погасло.

В тот час, когда судьба загонит тебя в ловушку, окружит со всех сторон неприятелями, отрежет пути к отступлению и лишит поддержки — вспомнишь ли ты обо мне?

А-Чу, мой взгляд будет следовать за тобой тенью.

Поначалу ничто не предвещало беды, яньбэйские войска никак не отреагировали на их приближение, и у Чу Цяо даже появилась наивная надежда на то, что Янь Сюнь не осмелится поднять на нее руку и позволит спокойно уйти. Однако стоило только девушке увидеть у стен Лунъинь толпы беженцев с узлами за спиной и детьми на руках, как ее сердце тут же рухнуло в ледяную бездну. Последние искры надежды погасли.

Подобно гигантскому дракону, в лучах утреннего солнца извивался бесконечный поток людей. Кто-то толкал телеги, доверху груженные сундуками и коробами, — кухонная утварь громко бряцала при каждом шаге; кто-то размахивал кнутами, подгоняя стада коров и овец; сидящие на камнях женщины прижимали к груди плачущих младенцев и кормили их грудью на пронизывающем ветру; другие несли на коромыслах батат и кукурузу, останавливаясь через каждые несколько ли¹, чтобы перекусить.

Усталые, изможденные, растерянные... Однако стоило им увидеть знамена армии Сюли, как они тут

¹ Ли — китайская мера длины, равная 0,5 км.

же, словно по уговору, разразились ликующими возгласами. Толпа хлынула вперед, и крестьяне начали кричать воинам:

— Ее превосходительство прибыли! Ее превосходительство здесь!

Седовласый старик, сжимая в руках внука с покрасневшим от холода личиком, пробился вперед и громко обратился к Чу Цяо:

— Ваше превосходительство, куда мы идем?

— Да, ваше превосходительство, куда путь держим? — подхватили другие.

— Куда бы ни шли — мы с вами! Нельзя же, чтобы вы шли одни!

— Ваше превосходительство, почему не предупредили заранее? Я даже урожай не успел собрать... Хорошо хоть догнать успел!

Солдаты армии Сюли мрачно стояли на пустынной равнине. Никто не проронил ни слова — все лишь переводили взгляды с толпы на Чу Цяо. Стройная фигура всадницы в синем плаще возвышалась на лошади, словно острый наконечник копья. Ее лицо оставалось невозмутимым. На нем не было ни тени смутения или страха, и бойцы, успокоившись, подумали: «Не стоит тревожиться, барышня все предусмотрела. У нее наверняка есть план».

— Барышня... — тихонько окликнул ее подъехавший ближе Хэ Сяо.

Чу Цяо неспешно обернулась, и командир, находившийся в шаге от нее, заметил промелькнувшие в глазах девушки растерянность и сомнения. В его душе мгновенно вспыхнули горечь и сочувствие.

Многолетняя служба рядом с ней постепенно развеяла прежнюю упрямую и слепую веру в ее та-

ланты. За два года мужчина стал свидетелем разных состояний Чу Цяо: видел, как у нее опускались руки, как она плакала, как проявляла слабость и пребывала в растерянности. Принцесса Сюли не была той легендарной непобедимой героиней, о которой ходили слухи. Чаще всего она оставалась просто девушкой, упрямо и почти глупо взвалившей на себя непомерную ношу ответственности. Эта девчонка даже свои слезы была вынуждена скрывать в укромном уголке. Однако все это не только не поколебало его преданности, но и породило куда более сложное чувство — нечто среднее между родственной привязанностью, братской заботой, верностью подчиненного и дружеского понимания.

Командир положил руку ей на плечо, слегка сжал его и твердо произнес:

— Барышня, Хэ Сяо здесь.

Да, Хэ Сяо все еще здесь. Армия Сюли все еще здесь. Она не одинока.

Однако вскоре со стороны заставы Яньмин поднялись клубы пыли, и прибывший разведчик поспешно доложил:

— Ваше превосходительство, в двадцати ли впереди стотысячное войско во главе с Чжао Яном. Как только мы покинем Лунъинь, сразу же попадем в засаду.

Чу Цяо едва не расхохоталась.

Янь Сюнь... Янь Сюнь, как же тщательно ты все продумал.

Открыл городские ворота и уступил дорогу без боя, использовал простой народ, чтобы лишить ее кавалерию преимущества скорости и маневренности, и перекрыл путь руками вражеских солдат... Не-

зависимо от того, сомневалась ли Великая Ся в достоверности предоставленных им сведений или нет, она не позволит такому яньбэйскому военачальнику, как Чу Цяо, ступить на свои земли с войском Сюли. И даже ясное осознание скрытых мотивов Янь Сюня не поможет избежать грядущего конфликта.

Правитель Яньбэя угадал мысли жителей плато Шаншэнь и гор Хуэйхуэй, раскусил замыслы самой Чу Цяо и даже смог проникнуть в голову Чжао Яна.

Возможно, в небольших сражениях она еще могла одержать победу за счет тактики и искусного командования, но когда дело касалось манипулирования человеческими сердцами и искусного использования противоборствующих сил — ей было далеко до Янь Сюня.

Беженцы тоже заметили клубящуюся на востоке пыль, и по толпе тут же начали расползаться тревожные шепотки. Люди все еще пытались убедить себя в том, что им нечего бояться, ведь барышня находится рядом. Но мысли о жестокости воинов Великой Ся и осознание того, что армия Сюли насчитывает меньше пяти тысяч человек, невольно заставляли их колебаться.

Хэ Сяо тем временем уже вернулся к стенам Лунъинь, а один из его воинов рявкнул:

— Стража на стенах! Откройте ворота, впустите народ!

Только после того, как он это повторил трижды, сверху, лениво растягивая слова, прокричали в ответ:

— По велению императора первыми должны зайти воины Сюли.

— Армия Великой Ся уже близко! Пропустите сначала народ!

— По велению императора первыми должны зайти воины Сюли!

Монотонный ответ раз за разом эхом отражался от стен. Ветер с шумом поднял тучи пыли и сухих травинок. Чу Цяо, не отрывая взгляда от развевающегося на башне флага с черным ястребом, стиснула кулаки.

— Ваше превосходительство? — вполголоса окликнул ее один из солдат.

— Ваше превосходительство! — Голоса зазвучали громче, а вокруг нее собиралось все больше людей.

— Ваше превосходительство, что нам делать?

В толпе беженцев уже слышались испуганные крики, а дети, будто почувствовав ледяное дыхание приближающейся угрозы, разразились рыданиями. Бесчисленные голоса, разносившиеся со всех сторон, сливались в тревожный гул:

— Ваше превосходительство, что делать?

— Ваше превосходительство, враг уже близко!

— Ваше превосходительство, давайте войдем в крепость, укроемся хоть ненадолго...

— Ваше превосходительство, вернитесь и попросите прощения у его величества — он вас простит!

— Ваше превосходительство, мы готовы сражаться до конца — отдайте приказ!

— Ваше превосходительство... Ваше превосходительство... Ваше превосходительство...

Янь Сюнь, неужели этого ты и хотел?

Чу Цяо усмехнулась. Ее взгляд устремился в небо, а последняя частичка нежности, оставшаяся в сердце девушки, рассыпалась в прах под натиском действительности.

Что ты жаждешь увидеть? Мое одиночество? Мое бессилие? Чтобы я, как побитая собака, под-